

SCRIPTA MANENT
Рукописи не горят. Рецензии

ВРАГ МОЕГО ВРАГА – МОЙ ДРУГ?

Haas M. *Frenemies. When Ideological Enemies Ally*.
Cornell University Press, 2022. 306 p.

*Хаас М. Друзья поневоле. Когда идеологические противники
вступают в союз. Корнелл юниверсити пресс, 2022. 306 с.*

Феномен формирования союзнических отношений издавна приковывал внимание исследователей-международников. Причиной тому – практическая значимость вопроса. Международные военно-политические союзы остаются одним из основных инструментов обеспечения национальной безопасности, позволяя их участникам распределять бремя сдерживания противников. В ситуации нависшей над страной угрозы её руководство заинтересовано в чётких прогнозах относительно того, как поведут себя союзники, какую позицию займут иные государства.

Напротив, лидерам, планирующим в качестве инструмента достижения целей вооружённое нападение, важно знать наверняка, не обернётся ли ограниченная внешнеполитическая акция масштабным столкновением сразу с несколькими противниками. Исторический опыт показывает, что обе стороны склонны порой неверно оценивать ситуацию.

Подобное положение дел подталкивает теоретиков международных отношений к разработке на основе обширного эмпирического материала моделей формирования союзов и вычленению значимых переменных, его объясняющих. Профессор Университета Дюкейн Марк Хаас в своей книге «Друзья поневоле. Когда идеологические противники вступают в союз» ставит перед собой именно эту цель.

Теоретическое осмысление закономерностей заключения союзов долгое время было прерогативой сторонников теории баланса сил [Kaplan 1957] и структурных реалистов [Waltz 1979; Walt 1987]. С их точки зрения, союзнические отношения выступают результатом возникновения общего интереса – защиты от угрозы со стороны противника, превосходящего по военной мощи каждого из потенциальных союзников в отдельности. Столкнувшись с риском для собственного выживания, государства при выборе союзника не принимают во внимание никакие другие факторы, кроме материальных возможностей противостоящей стороны [Mearsheimer 2001].

Представители либерализма, в свою очередь, рассматривают общность ценностей между странами и руководящую роль институтов как определяющие факторы выбора государством союзников. Страны, имеющие схожие представления о мироустройстве, будут с большой вероятностью формировать прочные связи. Данное ценностное объяснение составляет основу одного из ответвлений так называемой «теории демократического мира» [Doyle 1983].

Несколько абстрагируясь от дискуссии о внутренних характеристиках режимов, М. Хаас и сам развивал эту логику в более ранних работах. По его мнению, элиты в государствах с существенной идеологической дистанцией, как правило, не доверя-

ют друг другу, что отражается на их конфликтном восприятии интересов соответствующих стран [Haas 2005].

Из вышеприведённых гипотез выводят-ся взаимоисключающие ожидания относительно поведения государств – крайности, редко встречающиеся в истории в чистом виде. Как справедливо отмечает автор рассматриваемой книги, военная угроза не ведёт к автоматическому образованию союза между идеологически враждебными государствами. Противоречия между КНР и СССР серьёзно обострились ещё в 1960-х годах, тогда как Пекин пошёл на сближение с Вашингтоном лишь в конце 1970-х.

Можно сделать вывод, что идеологические противоречия не служат непреодолимым препятствием на пути к созданию союза. Та же неспособность Великобритании и Франции, с одной стороны, и Советского Союза – с другой, объединиться против нацистской Германии резко контрастирует с действиями Лондона и Парижа в более ранний исторический период. Обе страны заблаговременно укрепили связи с петербургским императорским двором в ожидании столкновения с кайзеровской империей в начале XX века. Таким образом, сконцентрировавшись на поведении идеологических оппонентов перед лицом общей угрозы, М. Хаас указывает на пробел в литературе, оставленный незаполненным им же самим в предыдущей книге о союзах.

Сила, толкающая государства к вступлению в союз друг с другом, отражена во введённом автором неологизме *frenemies* (друзья поневоле), составленном из двух английских слов *friends* (друзья) и *enemies* (враги). Коренные расхождения в ценностях и взглядах на внутривластительское устройство препятствуют установлению прочных союзнических отношений. В итоге стимул объединить усилия в борьбе с общим врагом блокируется.

Временное отставание между появлением угрозы и ответом на неё в виде скоординированных усилий государств с разной идеологией свидетельствует о влиянии промежуточных переменных (*intervening vari-*

ables). Их воздействие М. Хаас исследует на примере англо-франко-советских переговоров в 1930-х годах, обострения советско-китайских отношений и «отложенного» сотрудничества КНР с США, а также распада союза между Израилем и Турцией в конце 2000-х годов, направленного против Ирана и Сирии. По ходу изложения он приводит ряд других исторических примеров.

В качестве первого фактора, ответственного за вариативность в соотношении дружбы и розни, выступает *уязвимость политических режимов* потенциальных участников коалиции. Находящиеся в шатком положении политические элиты опасаются, что укрепление связей с идеологическим оппонентом ведёт к распространению и росту популярности его идей внутри их государств. Подобный союз подрывает их позиции и увеличивает риск потери власти.

В одной из исторических глав М. Хаас описывает, как британские и французские консервативные партии вопреки интересам национальной безопасности и здравому смыслу противились союзу с СССР. Они опасались расширения влияния коммунистических идей в Европе. Книга будет весьма интересна для российской аудитории: не оправдывая с моральной точки зрения Мюнхенское соглашение западных держав с гитлеровской Германией, она показывает, что двигало Невиллом Чемберленом в роковой для судьбы Европы и мира сентябрь 1938 г.

Между тем в условиях низкого уровня уязвимости перед распространением идей потенциального партнёра по коалиции политической элите не приходится делать выбор между национальным и «корпоративным» интересом – стабильностью режима. В подтверждение этого тезиса автор приводит позицию французских правых и центристских партий перед Первой мировой войной (1914–1918). Военный союз с царской Россией, оформленный в 1891–1892 годах, воспринимался ими не как внутривластительский вызов, а как козырь в борьбе с набравшими вес социалистами. Избирателям давали понять, что в тяжёлой

международной обстановке жизненно необходимо сохранить Антанту и, следовательно, нельзя допустить прихода левых к власти.

Второй, не менее важной, промежуточной переменной служит *идеологическая дистанция* между каждым из союзников и государством—источником материальной угрозы¹. Автор не случайно добавляет в схему анализа страну, от которой исходит опасность. Питающие недоверие друг к другу потенциальные партнёры по коалиции оценивают ценностные различия не только между собой, но и между идейным оппонентом и агрессором.

В случае, если воинственно настроенная сторона идеологически ближе, примыкание к ней представляется более выгодной стратегией, чем союз с идейным оппонентом. Этим обстоятельством объясняется, в частности, непрочность сближения Италии с Францией и Великобританией на фоне стремления Адольфа Гитлера присоединить Австрию в 1934 г. Уже к 1936 г. Бенито Муссолини осознал общность взглядов с немецким вождём, что воплотилось в координации действий в ходе гражданской войны в Испании (1936–1939) и образовании оси Берлин—Рим. Италия сделала выбор в пользу стратегии примыкания (*bandwagoning*), а не балансирования.

Если же принимающее решение государство идеологически равноудалено от потенциального союзника и источника материальной угрозы, возрастает вероятность раскола в элите и, как следствие, затягивания процесса принятия решения, непоследовательности в переговорах и внешнеполитических сигналах. В таком случае следует обращать внимание на нюансы в различиях идеологий в рамках треугольника, образуемого рассматриваемым государством, потенциальным союзником и источником материальной угрозы.

Некоторые представители правящей элиты Великобритании, например, отме-

чали, что в отличие от коммунистов, нацистский режим не отвергает капиталистических отношений. Более того, с учётом ярой антикоммунистической риторики А. Гитлера разрыв между нацистской Германией и СССР казался Лондону и Парижу настолько существенным, что стратегия перекладывания ответственности по отражению угрозы (*buck-passing*) до последнего представлялась оптимальной².

Ещё одна конфигурация характеризует ситуации, в которых источник материальной угрозы представляется более явным идейным оппонентом, чем потенциальный союзник. Последний в отсутствие опасности, может, и не рассматривался бы в качестве партнёра в силу наличия (для единообразия) определённых, пусть и не таких масштабных, идеологических различий. Такая комбинация хорошо иллюстрируется укреплением отношений Саудовской Аравии с США в период «холодной войны».

Когда агрессор и идейный оппонент демонстрируют существенную идеологическую близость, государство, столкнувшееся с угрозой, будет всеми силами стараться предотвратить сближение между ними, демонстрируя искреннее стремление заключить союз с последним. В подтверждение этой идеи автор приводит готовность Франции идти на широкие уступки Российской империи в ключевых для неё регионах, подкреплённую углублением экономического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков.

В рамках предметного поля, очерченного исходными посылами анализа, то есть наличием общей угрозы и идеологическими противоречиями, предложенная автором теория обладает мощным объяснительным потенциалом. Она указывает на факторы, имеющие существенное влияние: выделенные ею «вмешивающиеся» переменные — уязвимость политического режима и идеологическая дистанция между

¹ Данный термин автор определяет как уровень расхождения в ценностях.

² Автор справедливо отмечает, что агрессоры зачастую намеренно используют идеологические аргументы, чтобы вбить клин между потенциальными союзниками (*wedging*).

странами — приводят к заметным изменениям в объекте исследования — формировании союзов. Гипотезы и выводимые из них ожидания сформулированы таким образом, что существует принципиальная возможность их фальсификации. В качестве примера можно привести заключение руководством той или иной страны союза с идеологическим оппонентом перед лицом идейно близкого агрессора. Тем не менее, несмотря на методологическую стройность исследования, нельзя не отметить проблему операционализации, до конца не преодолимую при изучении нематериальных факторов — идеологии и восприятия. Вместе с тем, рассматривая их, автор сумел минимизировать издержки и выбрал систем-

ный уровень анализа вместо оценки отдельных субъектов.

Наконец, М. Хаас предоставил исследователям неплохой инструментарий для изучения меняющейся архитектуры безопасности в современный период. Возвышение Китая наряду с рядом региональных игроков с высокой долей вероятности будет способствовать перегруппировке союзов. Согласно предложенной теории, в этой динамике неизбежны диспропорции и временные задержки, корни которых восходят к идеологической гетерогенности мира.

*Никита Еряшев,
Анна Макарычева
кандидат политических наук*

References

- Doyle M. (1983). Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 12. No. 3. P. 205–235.
- Haas Mark L. (2005). *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989*. Cornell University Press, 2005. 248 p.
- Kaplan M. (1957). Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems. *The American Political Science Review*. Vol. 51. No. 3. P. 684–695.
- Mearsheimer J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. WW Norton & Company. 592 p.
- Walt S. (1987). *The Origins of Alliance*. Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Pub. Co. 251 p.